

Услышав звук, Лу Шицин опустил взгляд и увидел на полу несколько осколков стекла. Наклонившись, он поднял один, осмотрев его острые неровные края, словно стекло было разбито с силой.

— Это с тебя упало? — Лу Шицин посмотрел на Чэнь Фана, внимательно разглядев его темную куртку, на которой было едва заметное мокрое пятно. — Почему одежда мокрая?

— Мама была пьяна и бросила в меня бутылку, — Чэнь Фан опустил взгляд и горько усмехнулся. — Наверное, осколки попали под воротник.

— Бутылка? — Лу Шицин не мог поверить. — Ты ранен? Больно? Дай посмотреть.

— Ты задаешь столько вопросов, я даже не знаю, на какой отвечать сначала, — Чэнь Фан снова улыбнулся, но это только подчеркнуло его усталость.

— Ты еще смеешься, — лицо Лу Шицина стало серьезным. — Я не шучу, спрашиваю, ты ранен?

— Через одежду, должно быть, не задело, — Чэнь Фан пошевелил плечом, и еще несколько осколков упали на пол. — Я пойду помыться, спирт на коже, неприятно.

— Подожди, надень это, — Лу Шицин протянул ему свою школьную куртку, лежавшую рядом.
— Не ходи в грязной одежде.

Чэнь Фан взял куртку, провел рукой по ткани и тихо сказал:

— Спасибо.

В ванной зазвучал шум воды, заглушая звуки из соседнего номера, но Лу Шицин не мог успокоиться.

Он стал свидетелем лишь одного вечера из жизни Чэнь Фана, но череда неожиданных событий уже вымотала его, наблюдателя. Что уж говорить о самом Чэнь Фане, который постоянно готовился к таким ситуациям.

В тот момент, когда свет в глазах Чэнь Фана погас под тусклым фонарем, Лу Шицину стало тяжело дышать, словно весь мир погрузился во тьму.

Он хотел, чтобы в этих глазах всегда был свет.

Вода перестала литься, и в ванной еще некоторое время слышались шелест и шорохи. Чэнь Фан вышел с полувлажными волосами, одетый в куртку Лу Шицина, а свою одежду повесил на вешалку, видимо, слегка прополоснув.

— Почему не высушил волосы? Простынешь, — сказал Лу Шицин.

— Устал, — Чэнь Фан подошел к кровати и неуверенно спросил:

— Можно лечь?

— Ложись, если устал, — Лу Шицин помог ему развернуть одеяло, но сам не лег.

Чэнь Фан лег на кровать, заняв совсем немного места, и посмотрел на Лу Шицина, который все еще сидел:

— А ты?

— Эээ, я...

Столкнувшись с заботой Чэнь Фана, Лу Шицин сейчас не мог просто принять ее.

По их внешним признакам, двум бета-мужчинам не было ничего зазорного в том, чтобы спать на одной кровати. Но Лу Шицин знал, что он не бета, и его чувства к Чэнь Фану давно вышли за рамки обычных.

Из-за этого он не мог быть искренним.

На мосту он не договорил то, что хотел сказать Чэнь Фану, и теперь чувствовал сожаление.

Но сейчас явно не подходящий момент для продолжения.

— Ты сегодня столько со мной намучился, наверное, тоже устал, — Чэнь Фан откинул край одеяла со стороны Лу Шицина. — Ничего страшного, ложись.

Лу Шицин и правда устал, и, видя настойчивость Чэнь Фана, перестал сопротивляться. Он поставил одну ногу на кровать, затем другую и спросил:

— Эээ... свет выключить?

— Угу, — Чэнь Фан издал мягкий звук, похожий на согласие.

Лу Шицин выключил свет, и комната погрузилась в темноту, лишь слабый свет из окна позволял что-то разглядеть. Он нащупал кровать и лег.

Как только его голова коснулась подушки, Лу Шицин почувствовал, как все его мышцы напряглись, несмотря на мягкость постели. Он не удержался и слегка повернул голову, чтобы посмотреть на Чэнь Фана.

Тот еще не закрыл глаза, словно смотрел на Лу Шицина, а может, сквозь него, куда-то вдаль.

— Спи, — Лу Шицин сквозь темноту смотрел в глаза Чэнь Фана. — Когда проснешься, все будет хорошо.

— Правда? — взгляд Чэнь Фана, до этого рассеянный, постепенно собрался и встретился с взглядом Лу Шицина. — Не знаю, я устал, но не могу уснуть.

Дыхание Чэнь Фана стало глубже, и через некоторое время он снова заговорил, его голос явно дрожал.

— Мне... как-то грустно.

Лу Шицин увидел, как в глазах Чэнь Фана накапливаются слезы, которые вдруг скатились по щекам, словно звезды угасли в его глазах.

В ушах Лу Шицина четко прозвучал звук падающих капель, одна за другой, ударяющихся о простыню, словно падая на его сердце.

— Если грустно, поплачь, — Лу Шицин повернулся к Чэнь Фану ближе и нежно погладил его слегка влажные волосы.

Он хотел утешить Чэнь Фана, но заметил, что его собственная рука тоже дрожит.

Чэнь Фан, кажется, принял слова Лу Шицина близко к сердцу, его плач становился все громче, он схватился за одежду Лу Шицина на груди и прижался к его плечу, словно ему больше не было дела до всего остального, только до слез.

Лу Шицин обнял Чэнь Фана, обхватив его руками.

Они никогда не были так близки — ни физически, ни эмоционально, впервые преодолев дистанцию.

Тело в его объятиях было мягким и теплым, и, хотя Чэнь Фан принял блокаторы феромонов, железа Лу Шицина, словно что-то почувствовал, начала пылать.

Железа альфы, реагирующая на бета, была довольно странной.

Но сейчас Лу Шицину было не до этого, все его чувства были поглощены острой болью в сердце, он ощущал только дрожь плачущего Чэнь Фана и горячие слезы, просачивающиеся сквозь ткань одежды.

Лу Шицину было трудно уснуть из-за жара в железе и во всем теле, он боялся пошевелиться, обнимая Чэнь Фана, и смог задремать только когда тот, устав от слез, уснул.

Даже во сне он чувствовал, будто его жарят на огне, и, не зная, сколько времени прошло, он даже почувствовал запах чего-то вкусного.

Резко открыв глаза, он увидел, что уже рассвело, а он все еще обнимает подушку в той же позе, что и Чэнь Фана, и мышцы руки болели от напряжения.

— Проснулся? — Чэнь Фан сидел на краю кровати, глядя на Лу Шицина. — Я купил блинчики, скоро остынут, вставай есть.

— Эээ, хорошо.

Оказалось, это был запах блинчиков, а не его собственного поджаренного мяса.

Лу Шицин был еще сонным, смущенно кивнул, а когда пошел умываться, не смог найти обувь, и Чэнь Фан подтолкнул ее ему ногой.

После умывания Лу Шицин немного пришел в себя, увидел свою куртку, аккуратно сложенную рядом, и, завтракая блинчиками, которые купил Чэнь Фан, заметил, что они без лука и с небольшим количеством острого.

Они молча ели, откусывая блинчики, и только шуршание пакета нарушало неловкую тишину.

Лу Шицину вдруг показалось, что это утро после близости.

— Что с тобой? — Чэнь Фан заметил, что Лу Шицин перестал есть. — Подавился?

— А? — Лу Шицин резко очнулся, услышав его слова, и, пытаясь прочистить горло, неловко засмеялся. — Да, немного.

— Лови, — Чэнь Фан достал из пакета пакетик соевого молока и аккуратно бросил его Лу Шицину, который поймал его.

Оно было горячим, даже немного обжигало.

— Спасибо, — Лу Шицин сделал глоток, язык слегка онемел от температуры, но он проглотил молоко, и тепло разлилось по желудку, на лбу выступил легкий пот.

— Закончим и пойдем, еще уроки, — сказал Чэнь Фан. — Мы уже пропустили утреннюю самостоятельную.

Лу Шицин запихнул последний кусок блинчика в рот и пробормотал:

— Пошли.

Когда они вернулись в школу, как раз начался поток учеников, возвращающихся после завтрака. Среди толпы никто, кроме них, не знал, что произошло прошлой ночью.

Лу Шицин весь день наблюдал за Чэнь Фаном — на уроках, на переменах, за едой и самостоятельной работой. Казалось, он был таким же, как всегда, либо быстро пришел в себя, либо хорошо скрывал свои чувства.

Как будто он никогда не был таким потерянным, как прошлой ночью, и не плакал у него на груди.

Если бы не боль в руке, Лу Шицин мог бы подумать, что это был сон.

Но раз это не сон, он не собирался, как Чэнь Фан, делать вид, что ничего не произошло.

<http://bllate.org/book/16746/1540145>